

Организаторы ненависти и организаторы солидарности: социальная идентичность как основа массовой коммуникации

Стивен Райхер, Ник Хопкинс, Марк Левин, Ракши Ратх

Стивен Райхер – профессор Института психологии при Сент-Андрюсском университете*, Ник Хопкинс – старший преподаватель Института психологии при университете Данди, Марк Левин – преподаватель психологического факультета Ланкастерского университета, Ракши Ратх – докторант Института психологии при Сент-Андрюсском университете.

Краткое содержание

Авторы обращаются к принципам традиции социальной идентичности с тем, чтобы выработать психологическую модель массовой коммуникации. Основное содержание этой модели – интерпретация людьми своей социальной идентичности и значение происходящих событий для этой идентичности. В статье рассматривается использование этих принципов для организации коллективной поддержки

* Stephen Reicher, School of Psychology, University of St. Andrews, St. Andrews, Fife, DD6 8AP, Great Britain.

геноцида или коллективного сопротивления геноциду. Авторы приходят к выводу, что чрезвычайно важно знать такие принципы и эффективно их применять для поддержания социальной гармонии и защиты уязвимых групп.

Прочно укоренилось мнение о том, что массы не способны рассуждать и потому к ним надо обращаться в самой примитивной форме. С тех пор, как так называемый отец истории Геродот воскликнул: «Ненавижу слепую толпу!», у этой точки зрения было много приверженцев среди классиков. А в Новое время наиболее убедительным и влиятельным ее выражением стала книга Гюстава Ле Бона «Толпа»¹. Ле Бон утверждал, что, как только люди становятся анонимными в толпе, они теряют ощущение своей идентичности, способность суждения и, таким образом, некритично воспринимают любую мимолетную идею или чувство. Не имеет смысла обращаться к ним с обоснованными доводами – содержание утрачивает почти всякое значение. Главное – это форма выражения: надо говорить ясно и просто и многократно повторять одно и то же. Соблюдая правила, толпу можно вести почти в любом направлении.

Введение: теория групп и модели воздействия на массы

Явно выраженной целью Ле Бона было помочь тиранам, правившим в его время, превратить народные массы из угрозы в оплот существующего порядка, и в этом смысле он добился большого успеха. В списке его поклонников мы найдем очень многих диктаторов начала XX столетия, включая Муссолини, Геббельса и Гитлера². Именно благодаря этим восторженным почитателям принципы Ле Бона получили такую широкую известность. Так, Гитлер писал: «Я использую эмоции в отношении многих и приберегаю разум для немногих». Ему вторит Геббельс: «Самая блестящая пропагандистская техника останется безрезультатной, если все время не держать в уме один основополагающий принцип: тезисов должно быть немного, а повторять их надо снова и снова». Приведем более сжатую и, вероятно, самую знаменитую формулировку Геббельса, который хвастался: «Если солгать достаточно

1 Gustave Le Bon, *Psychologie des foules*, 1895.

2 Serge Moscovici, *L'Age des foules*, Fayard, Paris, 1981; R. Nye, *The Origins of Crowd Psychology*, Sage, New York, 1975.

дерзко, а потом все время повторять эту ложь, люди в конце концов поверят».

Классические модели влияния: форма – все, содержание – ничто

Хотя после падения нацизма содержательная часть, наполнявшая ложь Геббельса, была отвергнута, его мнение о процессе распространения лжи – по крайней мере, общая посылка о том, что воздействие на массы зависит от формы, а не от содержания сказанного, продолжала пользоваться доверием. Отчасти это объясняется тем, что утверждения Ле Бона об утрате собственного «я» сохраняются в некоторых современных теориях групп и группового воздействия³.

Отчасти это обусловлено тем, какие возражения выдвигались другими против теорий Ле Бона. Они утверждали, что группы образуются на основе либо индивидуальных характеристик своих членов, или, чаще, на основе отношений зависимости между этими индивидами. В 1976 г. Московичи написал острую критическую работу, направленную против данной точки зрения, которая к тому времени сделалась господствующей⁴. Он указал: если группы сформированы на основе межличностных отношений зависимости и если социальное воздействие идет по этим линиям зависимости, оно будет лишь воспроизводить существующее неравенство власти. Независимо от того, какая идея провозглашается, те, от кого зависят другие, будут распространять свое влияние, а те, кто зависит от других, будут подвергаться влиянию. Московичи утверждал, что при этом игнорируется роль диссидентов в общественных переменах, положив начало целой традиции исследований в области влияния меньшинства. Но даже и внутри этой традиции критики критиков Ле Бона основной упор делался на форму высказываний – меньшинства должны быть последовательными в своих взглядах, не подвергая себя в то же время опасности упрека в обыкновенной негибкости, – а не на их содержание⁵.

Все это привело к странному результату: если психологические исследования социального воздействия вообще уделяют какое-то внимание тому, что говорят ораторы (а не тому, что представляют собой ораторы или их аудитория), они, по большей части, анализируют общие особенности текста, например, насколько он сложен или исполь-

3 См. Stephen Reicher, Russell Spears, & Tom Postmes, «A social identity model of deindividuation phenomena», *European Review of Social Psychology*, Vol. 6, 1995, pp. 161–198.

4 Serge Moscovici, *Social Influence and Social Change*, Academic Press, London, 1976.

5 Serge Moscovici, «Social influence and conformity», in G. Lindzey & E. Aronson (eds.), *Handbook of Social Psychology*, 3rd edition, Vol. 2, Random House, New York, 1985, pp. 347–412.

зуются ли односторонние или двусторонние аргументы. Исследователи очень редко обращают внимание на то, что именно говорится.

Новая психология влияния на массы

В настоящей статье мы выступим как против общего пренебрежения содержанием, так и против более конкретного тезиса о том, что в массовой коммуникации страсть обязательно должна подменять собой рассудок. Однако, как это уже было показано, такое мнение не является чем-то случайным – оно глубоко укоренено в истории психологии группы. Поэтому мы начнем свое выступление против него с очерка альтернативной социальной психологии группы. Из него мы выведем некоторые общие принципы, касающиеся воздействия на социальное поведение масс, а затем покажем, как эти принципы могут быть применены либо для подстрекательства к актам насилия, направленным против других людей, либо для поддержки актов солидарности и помощи жертвам.

Социальная идентичность и коллективное действие

С одной стороны, представляется, что Ле Бон и его ранние критики занимают диаметрально противоположные позиции. Ле Бон заявлял, что идентичность в группе утрачивается. Его критики⁶ утверждали, что идентичность в массе сохраняется или даже усиливается. Но тем не менее обе стороны в этом споре считали, что индивидуальное «я» составляет единственную основу рационального действия. Социальные факторы, такие как присутствие других людей, способны влиять на действия этого «я», однако ни тем, ни другим теоретикам не приходила в голову мысль, что именно эти факторы могут формировать «я», создавая тем самым социальную основу для норм, ценностей, а следовательно, и суждений, формирующих коллективные действия⁷. Работа в рамках традиции социальной идентификации (включающей в себя как теорию групповой идентификации⁸, так и развившуюся впоследствии теорию самокатегоризации⁹) основана на отрицании этой точки зрения.

6 См., например, Floyd Allport, *Social Psychology*, Houghton Mifflin, Boston M. A., 1924.

7 Более подробное развитие этой идеи см.: Stephen Reicher, «Crowd behaviour as social action», in J. Turner, M. Hogg, P. Oakes, S.D. Reicher & M. Wetherell, *Rediscovering the Social Group*, Blackwell, Oxford, 1987.

8 Henri Tajfel & John Turner, «An integrative theory of intergroup conflict» in W. G. Austin & S. Worchel (eds.), *The Social Psychology of Intergroup Relations*, Brooks/Cole, Monterey, CA, 1979, pp. 33–47.

9 Turner, Hogg, Oakes, Reicher & Wetherell, *op. cit.* (примечание 7).

Идентичность как многоуровневая структура

Приверженцы теории социальной идентификации считают «я» не единой индивидуальной концепцией, а сложной системой. Хотя мы всегда определяем свою идентичность через свои отношения с другими, это может происходить на разных уровнях абстрагирования: на низшем, или личном, уровне (на котором мое «я» это то, что отличает «меня» от «тебя»), на промежуточном, или социальном, уровне (что отличает «нас» от «них») и на высшем, или человеческом, уровне (что отличает людей от тех, кто людьми не является). Однако главное внимание уделяется уровню социальной идентификации, то есть своей принадлежности к различным социальным группам. Здесь необходимо подчеркнуть множественность, поскольку каждый из нас принадлежит к нескольким группам (я как европейка, как гуманитарий, как еврейка, как женщина и т. д.), которые будут особо значимыми в различных контекстах.

Важнейший аргумент традиции социальной идентификации заключается в следующем: психологический переход от личного к социальному уровню идентификации лежит в основе поведенческого перехода от индивидуального к групповому действию. Ведь именно общая социальная идентификация делает возможным коллективное действие¹⁰. Поэтому групповое поведение ассоциируется с деперсонализацией. Иными словами, как члены группы мы склонны видеть себя и других через призму социальных категорий, к которым принадлежим мы и принадлежат они, – в особенности принадлежат ли они к той же группе, что и мы (члены ингруппы, то есть внешней группы), или к другой (члены аутгруппы, то есть внутренней группы), – а не в свете их конкретных индивидуальных качеств. В более общем смысле мы склонны смотреть на события в мире с точки зрения их последствий для нашей группы и для нас как членов группы, а не их значения для нас как отдельных индивидов.

Социальная идентичность как основа социальной власти

В то же время существуют многочисленные и разнообразные исследования, основанные на этих принципах, и здесь нам не хватает места,

10 John Turner, «Towards a cognitive redefinition of the social group», in H. Tajfel (ed.), *Social Identity and Intergroup Relations*, Cambridge University Press, Cambridge, 1982, pp. 15–40; Stephen Reicher and Alex Haslam, (in press) «Rethinking the psychology of tyranny: The BBC Prison Study», *British Journal of Social Psychology*.

чтобы осветить их должным образом¹¹. Однако для целей настоящей статьи особое значение имеют три элемента. Во-первых, общее членство в группе трансформирует отношения между людьми таким образом, что становятся возможными согласованные и эффективные коллективные действия. Следовательно, когда люди воспринимают других как принадлежащих к той же категории, что и они сами, тогда они с большей вероятностью доверяют им, уважают их и сотрудничают с ними¹²; они охотнее предлагают им помощь и проявляют солидарность с ними¹³ и скорее всего будут стремиться к единодушию с ними. Все вместе это повышает организационную эффективность¹⁴. Один из аспектов этого особенно важен для последующего аргумента. Там, где люди имеют общую идентичность и, соответственно, общие ценности и приоритеты, отдельные лица (или организации) могут олицетворять собой то, что объединяет этих людей. Иными словами, общая идентичность делает возможным лидерство¹⁵. Это еще более увеличивает способность группы людей обеспечивать взаимодополняемость своих усилий и направлять их на достижение целей группы. Короче говоря, социальная идентичность представляет собой важную основу социальной власти – особенно для групп, у которых нет иных ресурсов или институтов контроля¹⁶.

- 11 Рецензии см.: Naomi Ellemers, Russel Spears & Bertjan Doojse (eds.), «Self and social identity», *Annual Review of Psychology*, Vol. 53, 2002, pp. 161–186; Alex Haslam, *Psychology in Organizations*, Sage, London, 2001; подробное изложение принципов см. в John Turner, «Some current issues in research on social identity and self-categorization theories,» in N. Ellemers, R. Spears & B. Doosje (eds.), *Social Identity: Context, Commitment, Content*, Blackwell, Oxford, 1999, pp. 6–34; Stephen Reicher, «The context of social psychology: Domination, resistance and change,» *Political Psychology*, Vol. 25, 2004, pp. 40–62.
- 12 Tom R. Tyler & Stephen L. Blader, *Cooperation in Groups: Procedural Justice, Social Identity, and Behavioural Engagement*, Psychology Press, Philadelphia, PA, 2000.
- 13 Mark Levine, Clare Cassidy, Gemma Brazier & Stephen Reicher, «Self-categorisation and bystander non-intervention: Two experimental studies», *Journal of Applied Social Psychology*, Vol. 7, 2002, pp. 1452–1463; Mark Levine, Amy Prosser, David Evans & Stephen Reicher, «Identity and emergency intervention: How social group membership and inclusiveness of group boundaries shapes helping behaviour», *Personality and Social Psychology Bulletin*, Vol. 31, 2005, pp. 443–453; Stephen Reicher, Clare Cassidy, Nich Hopkins & Mark Levine, «Saving Bulgaria's Jews: An analysis of social identity and the mobilisation of social solidarity,» *European Journal of Social Psychology*, Vol. 36, 2006, pp. 49–72.
- 14 Haslam, *op. cit.* (примечание 11); Reicher & Haslam, *op. cit.* (примечание 10).
- 15 Stephen Reicher, Alex Haslam & Nick Hopkins, «Social identity and the dynamics of leadership: Leaders and followers as collaborative agents in the transformation of social reality,» *Leadership Quarterly*, Vol. 16, 2005, pp. 547–568.
- 16 John Turner, «Examining the nature of power: A three-process theory,» *European Journal of Social Psychology*, Vol. 35, 2005, pp. 1–22.

Самостереотипизация и процесс конверсии

Во-вторых, когда люди обозначают себя как членов какой-либо группы, запускается процесс самостереотипизации¹⁷. Это значит, что люди стараются уяснить для себя нормы, ценности и общие мнения, характерные для данной группы, и вести себя в соответствии с ними. Постольку, поскольку эти так называемые критериальные атрибуты меняются от группы к группе (когда я действую как исследователь, за своим письменным столом, для меня важно быть беспристрастным, сдержанным и объективным; но когда я прихожу на стадион в качестве болельщика, главными качествами для меня становятся верность своей команде и эмоциональность), наше поведение меняется в зависимости от ситуации, когда на первый план выходят разные идентичности. Важно подчеркнуть, что это действительно процесс конверсии: мы действуем на основе групповой идеологии не потому, что подчиняемся чужой власти или добиваемся одобрения других людей, а потому, что она определяет, кто мы и что для нас значимо. То есть условия, которые направляют и контролируют наши действия как членов группы, определяются социальной моделью, а она не может быть сведена к какому-либо отдельному лицу. Тем самым концепция социальной идентичности открывает путь психологическому пониманию того, как индивид может действовать в качестве социального субъекта идеологически понятным образом.

Поскольку определение социальной идентичности (или ее конкретных последствий для действий в той или иной ситуации) не является очевидным, постольку члены группы должны выяснять или оценивать информацию по этим вопросам, чтобы знать, что им делать. По этой причине процесс самостереотипизации является также процессом влияния с последствиями для тех, на кого оказывается влияние, для того, что будет являться влиятельным, и для тех, кто будет оказывать влияние. Таким образом, информация о групповой идентичности станет влиять только на тех, кто отождествляет себя с соответствующей социальной категорией. Причем на них повлияет только та информация, которая явно созвучна определению категории. И оказывать влияние смогут только те, кто обладает достаточным авторитетом, чтобы дать определение идентичности, – особенно те, в ком видят образцовых (или прототипических) членов группы.

17 Turner, *op. cit.* (примечание 10); John Turner, *Social Influence*, Open University Press, Milton Keynes, 1991.

Последствия для общества,
к которым приводят процессы социальной идентификации

В-третьих, теория социальной идентификации явно сформулирована так, что ее можно применять не только к мелким группам, но и к крупным социальным категориям. В самом деле, когда Тэджфел¹⁸ вводил понятие социальной идентичности, он черпал вдохновение в рассуждениях Эмерсона¹⁹ о нации как об общности людей, чувствующих себя нацией. В более широком смысле концепция группы как некоего круга людей, объединенных общей идентичностью, близка к сформулированному Андерсоном знаменитому определению наций как «воображаемых сообществ»²⁰. В свете этого можно легко увидеть, насколько серьезны последствия вышеуказанных процессов для общества. Определить, что какая-либо группа людей принадлежит к одной социальной категории (или, точнее, подвести эту группу людей к тому, чтобы ее члены определили себя как принадлежащих к одной социальной категории), значит, создать социальную власть путем мобилизации людей для совместных действий, а определить параметры этой социальной категории – значит определить, как эта власть будет применяться.

Более конкретно: определение того, кто включается в категорию (границы категории), определяет масштабы мобилизации; определение того, что значит быть членом категории (содержание категории), определяет направление мобилизации, а определение того, кто является наилучшим примером представителя категории (прототипы категории), определяет лидеров мобилизации²¹. Это можно вкратце выразить так: социальные категории определяют мобилизации, которые (пере)создают социальный мир. Таким образом, контроль над определением социальных категорий дает мироздающую власть. Но как же появляются эти определения?

Определение социальных категорий: агенты влияния как организаторы социальной идентичности

Одно из общих последствий выявленной Ле Боном традиции коллективной иррациональности заключается в тенденции рассматривать восприятие на групповом уровне как некую форму заблуждения и искажения. Представители традиции социальной идентификации, в ча-

18 Henri Tajfel, *Differentiation between Social Groups*, Cambridge University Press, Cambridge, 1978.

19 Ralph Waldo Emerson, *From Empire to Nation*, Harvard University Press, Cambridge, MA, 1960.

20 Benedict Anderson, *Imagined Communities*, Verso, London, 1983.

21 Более подробно см.: Stephen Reicher & Nick Hopkins, *Self and Nation*, Sage, London, 2001.

стности приверженцы теории самокатегоризации, напротив, подчеркивают, что эти восприятия необходимо соотносить с социальной действительностью. Первоначально особое внимание уделялось тому, как восприятия социальных категорий отражают социальное структурирование социальных контекстов²². Впоследствии акцент сместился на то, как социальные категории используются для мобилизации людей с целью создания структур в социальном мире²³. Иными словами, существует двунаправленная связь между социальной категоризацией и социальной действительностью. Категории, с одной стороны, отражают уже существующие социальные реалии, а с другой – выстраиваются с учетом проектов социального будущего. Все, кто старается активно воздействовать на формирование социальной реальности, – политики, НПО, активисты различных движений – неизбежно заинтересованы в определении социальных категорий. Чтобы успешно достигать своих целей, они должны умело организовывать процесс идентификации.

В самом общем смысле это умение включает в себя выявление – в качестве категории той целевой группы, которую организатор хочет мобилизовать, определение проекта, который организатор хочет осуществить в качестве реализации норм, ценностей и приоритетов, связанных с этой категорией, и провозглашение самого организатора прототипом категории. Кратко проиллюстрируем эти широкие утверждения конкретными примерами.

Второго апреля 1982 г. аргентинские войска высадились на Фолклендских островах. Большинство населения Великобритании ничего не знало об этом месте, а если кто и знал, то не придавал ему большого значения. Например, когда годом ранее статус гражданства жителей островов был сильно понижен в результате принятия Закона о гражданстве 1981 г., это не вызвало заметных протестов. На следующий день, 3 апреля, впервые после Суэцкого кризиса британский парламент провел заседание в субботу и проголосовал за то, чтобы силами эскадры вернуть острова. Однако для военной мобилизации требовалось

22 Penny Oakes, Alex Haslam & John Turner, *Stereotyping and Social Reality*, Sage, London, 1994; Turner, Hogg, Oakes, Reicher & Wetherell, *op. cit.* (примечание 7).

23 Reicher, Haslam & Hopkins, *op. cit.* (примечание 15), pp. 547–568; Stephen Reicher & Nick Hopkins, «Constructing categories and mobilising masses: An analysis of Thatcher's and Kinnock's speeches on the British miner's strike 1984-5,» *European Journal of Social Psychology*, Vol. 26, 1996, pp. 353–371; Stephen Reicher & Nick Hopkins, «Seeking influence through characterising self-categories: An analysis of anti-abortionist rhetoric,» *British Journal of Social Psychology*, Vol. 35, 1996, pp. 297–312; Stephen Reicher, & Nick Hopkins, *Self and Nation*, Sage, London, 2001; Stephen Reicher & Nick Hopkins, «On the science of the art of leadership,» in D. van Knippenberg & M. Hogg (eds.), *Identity, Leadership and Power*, Blackwell, Oxford, 2003.

мобилизовать общественное мнение на поддержку войны. Было необходимо, чтобы люди воспринимали эти события как свое личное дело и негодовали так, как если бы нападению подверглись они сами.

Третьего апреля газета «Дейли экспресс» вышла с заголовком на первой полосе «Наши сограждане. Мы ДОЛЖНЫ защитить их» (выделено в оригинале). Во втором абзаце статьи говорилось: «Право фолклендцев – истинных британцев по происхождению, самосознанию и патриотическому чувству – оставаться британскими подданными и жить под властью Британии нужно защищать так, как если бы вторжению подвергся остров Уайт». В том же духе была выдержана и речь Маргарет Тэтчер в палате общин. В заключение она сказала: «Жители Фолклендских островов, так же, как и жители Соединенного Королевства, – островной народ. Их образ жизни – британский, они верны британской короне. Пусть их немного, но они имеют право жить в мире, выбирать свой образ жизни и государство, которому они хранят верность. Их образ жизни – британский, их верность – верность британской короне. Воля британского народа и долг правительства Ее Величества – сделать все возможное для защиты этого права».

Поскольку Фолклендские острова изображались как знаковая британская территория, нападение на них стало нападением на Великобританию. Кроме того, поскольку население определялось в терминах национальной идентичности (и «Дейли экспресс», и премьер-министр принимали как данность то, что их аудитория позиционируется как британцы), то объектами аргентинской агрессии стали все. Таким образом, судьба фолклендцев (которая до того времени практически никого в Великобритании не интересовала и тем более не вызывала сильных эмоций) теперь стала общей судьбой. Или, выражаясь более научно, использование инклюзивных категорий, устанавливающих связь между жертвами и населением в целом, обусловило поддержку населением войны (и тех, кто эту войну ведет). Уровень поддержки войны резко повысился и оставался между 70% и 80% на протяжении всего конфликта, а Маргарет Тэтчер, которая до тех пор была самым непопулярным премьер-министром после Второй мировой войны, стала самым популярным. Рейтинг правящей Консервативной партии, по данным опросов общественного мнения, вырос вдвое – с 23% в декабре 1981 г. до 46% сразу после войны.

Таким образом, широкие категории позволяют проводить широкие мобилизации, а чем шире масштаб желаемой мобилизации, тем более инклюзивными должны быть категории. Категория нации не обязательно включает в себя все население. Ей можно дать целый ряд различных определений, более или менее инклюзивных: по критерию

происхождения (в результате чего исключенными оказываются мигранты и, следовательно, большинство национальных меньшинств), по критерию рождения (более инклюзивное, но все равно исключющее эмигрантов в первом поколении) или по критерию вовлеченности в национальную жизнь и стремления в ней участвовать (такое определение охватывает всех, кто живет на национальной территории и хочет под него подпадать). Используем пример из жизни нашего региона: в Шотландии существуют группы, стремящиеся мобилизовать лишь отдельные сегменты населения для участия в прямых действиях. Они удовлетворяются этнически эксклюзивными определениями «шотландскости». Напротив, те политические партии, которые хотят получить власть на выборах, не могут исключить ни один из сегментов электората и потому используют в высшей степени инклюзивные формулировки определения национальной категории. Так, например, Алекс Сэлмонд, лидер сепаратистской Шотландской национальной партии (ШНП), выступая на партийной конференции 1995 г., сказал следующее: «Мы стремимся, чтобы в поддержку шотландского дела звучали голоса с английским, французским, ирландским, индийским, пакистанским, китайским и любым другим акцентом из той многообразной мозаики, которую мы должны с гордостью называть, выражаясь словами Уилли Мак-Илванни, «смешанной шотландской нацией».

Не только сепаратисты использовали такое инклюзивное определение нации для того, чтобы заручиться симпатиями населения. Все основные партии делали то же самое, даже Консервативная партия, отчаянно противившаяся любому расширению шотландской государственности²⁴. Ценность понятия «шотландскости» заключалась в его привлекательности для всего электората в целом, а не в его внутренней связи с какой-то конкретной политикой или идеологией. И поскольку все партии добивались симпатий одной и той же категории населения, они в равной мере обращались к людям как к шотландцам. Связь идентичности с политикой и идеологией и, следовательно, глубокие различия между партиями обнаруживались в том содержании, которое вкладывалось в это понятие. Иными словами, все партии обращались к одной и той же национальной категории, поскольку хотели заручиться поддержкой одних и тех же людей, но все они характеризовали эту категорию по-разному, так как хотели подтолкнуть этих людей к разным действиям. Для левых из Лейбористской партии шотландцы по сути своей – сторонники равенства, коллективизма, социального обеспечения и противники привилегий, по словам одного парламентария-лейбориста, они поддерживают «то корпоративное

24 См. Reicher & Hopkins, *Self and Nation*, *op. cit.* (примечание 23).

сообщество, которым является Шотландия». Для правых из Консервативной партии шотландцы по сути своей «практичны и бережливы», трудолюбивы и предприимчивы. Каждая из партий утверждает, что она не пытается навязать аудитории свои собственные представления, а просто выражает убеждения этой аудитории (отвергаемые противной стороной). Такая связь часто лишь подразумевается, но иногда выражается во вполне явной форме. Так, например, по мнению консерваторов (или, по меньшей мере, Яна Лэнга, когда он был министром по делам Шотландии), «отличительные качества шотландцев прекрасно совмещаются с консерватизмом», в то время как «социализм чужд» шотландцам.

Однако, если говорить о риторических усилиях политиков, наибольшую энергию они тратят на создание собственного образа. Действительно, добиться избрания в качестве представителя какой-либо аудитории можно, лишь став символом этой аудитории. Любая политическая автобиография либо выстраивается, либо измышляется с этой целью. Здесь можно привести сколько угодно примеров: Маргарет Тэтчер изменила свою манеру одеваться, внешность и даже снизила тембр голоса, чтобы стать олицетворением Британии и править британским народом; Тони Блэр, бывший рок-гитарист, воплощал в глазах избирателей новую «продвинутую» Британию; Джордж Буш-младший в роли техасского ковбоя, чьи неуклюжие высказывания только придавали убедительности его образу типичного среднего американца. Уилнер²⁵ особенно подробно рассматривает один из таких случаев – индонезийскому лидеру Сукарно придавали черты Бимы, легендарного героя и полубога яванской и балийской мифологии. О жизни Сукарно, как и о жизни Бимы, рассказывали, акцентируя важнейшие качества – храбрость и упорство. Подражая Биме, Сукарно подчеркивал свою могучую мускулатуру, мощный низкий голос, грубость манер и выражений, хотя все это нарушало правила хорошего тона, принятые у культурных групп, доминировавших в Индонезии. Сукарно даже использовал символизирующий силу черный цвет – он также ассоциировался с Бимой: он всегда носил черный маршальский жезл. Когда речь идет о приобретении влияния над людьми, решительно настроенный организатор идентичности не может оставить на волю случая ни единой мелочи.

25 Ann Ruth Wilner, *The Spellbinders: Charismatic Political Leadership*, Yale University Press, New Haven, 1984.

Мобилизация ненависти

Сказанное выше можно более кратко и четко сформулировать следующим образом: эффективная массовая коммуникация включает в себя создание представлений об ораторе и аудитории как о принадлежащих к одной и той же социальной категории, так что оратор может интерпретировать взаимосвязь имевших место или возможных событий с точки зрения общих коллективных интересов. Специалисты по социальному взаимодействию ставят себя в такое положение, которое позволяет им отвечать на некоторые вопросы, чрезвычайно важные для тех, кто должен быть их аудиторией: «Что это значит для нас? Является ли это выражением того, кто мы есть, во что мы верим, что нас заботит, или, наоборот, подрывает все это?» До сих пор мы рассматривали эти процессы и приемы в общем. Попытаемся теперь применить их к более конкретным вопросам межгрупповых связей. Например, как можно подтолкнуть людей к тому, чтобы они оправдывали насилие, направленное против других, или даже участвовали в нем?

Мы предполагаем, что – как и в отношении любого другого явления – коллективные оценки людей и направленных на них действий зависят от их значения для «нас» как для социальной группы. Таким образом, отношение аудитории к какой-либо группе зависит от того, какое представление сложилось о «нас» и какое представление – о «них», и от соотношения, устанавливаемого между этими двумя представлениями. Вопреки ложному мнению, весьма распространенному и среди широкой публики, и среди ученых, не существует врожденной неприязни или антагонизма между людьми, отличающимися друг от друга или даже воспринимающимися как принадлежащие к разным группам²⁶. Даже там, где эта неприязнь изображается как проявление «застарелой ненависти», нужно немало риторических усилий, чтобы создать условия для вытеснения, дискриминации и насилия.

Анализ природы этих усилий тем более важен, если учесть, что, как правило, даже самые чудовищные злодеяния редко воспринимаются как таковые теми, кто их совершает. Насилие обычно оправдывают как законную «самозащиту» от того, что воспринимается как агрессия со стороны тех, на кого оно направлено²⁷, и злодеяния изображают как нечто благородное и даже добродетельное. Или, если сформулировать

26 Stephen Reicher, «The context of social psychology: Domination, resistance and change», *Political Psychology*, Vol. 25, 2004, pp. 40–62.

27 Clifford Stott, Paul Hutchison & John Drury, «Hooligans' abroad? Inter-group dynamics, social identity and participation in collective 'disorder' at the 1998 World Cup Finals», *British Journal of Social Psychology*, Vol. 40, 2001, pp. 359–384; Clifford Stott, & Stephen Reicher, «How conflict escalates: The inter-group dynamics of collective football crowd 'violence'», *Sociology*, Vol. 32, 1998, pp. 353–377.

это наоборот, злодеяния более вероятны, когда те, кто их совершает, могут считать, будто они делают что-то хорошее. Действительно, одну из самых пугающих речей XX столетия произнес Гиммлер перед личным составом СС в польском городе Познань 4 октября 1943 г.: «Большинство из вас, вероятно, знают, что это значит, когда рядом лежат сто трупов, или пятьсот, или тысяча. Выдержать это и в то же время... остаться порядочными людьми. Это славная страница нашей истории»²⁸. Но как же можно провозгласить геноцид благородным делом?

Этот процесс можно разложить на три составные части, хотя в действительности они могут тесно переплетаться между собой. Во-первых, и это главное, нужно выстроить идентичность ингруппы таким образом, чтобы она исключала аутгруппу. Наверное, самая опасная форма такого процесса заключается в определении национального сообщества («народа») как этноса или – если воспользоваться формулировкой Манна²⁹ – в изображении демоса как этноса. На этом этапе меньшинство уже исключается из числа пользующихся благами включенности в нацию, теми правами и ресурсами, которые предоставляются членам «нации». Более того, если определить народ как особую категорию, то для большинства возникает вопрос «меньшинства». Сам по себе вопрос этот не задает какого-то конкретного курса действий, однако порождает контекст, в котором могут быть предложены крайние ответы. Далее он делает возможным мобилизацию национальных и (там, где это уместно) государственных институтов для того, чтобы осуществить на практике любое «решение».

Во-вторых, меньшинство необходимо представить как проблему или, для большей остроты, угрозу для ингруппы. Часто очень много говорят о дегуманизации аутгрупп, но при более внимательном рассмотрении тех образов, которые используют режимы, осуществляющие геноцид, становится ясно, что зачастую аутгруппам приписываются как недочеловеческие, так и сверхчеловеческие черты³⁰. Экстремистская пропаганда хуту иногда использовала для обозначения тутси слово «иньензи» – тараканы, а иногда – «инкотаньи» – сильные бойцы. В нацистской пропаганде евреи иногда изображались как черви и крысы, а иногда – как всеведущие и всемогущие существа. Это не просто животные, а вредители, паразиты – неуместные, пачкающие, оскверняющие. И они не только могущественны, они еще и строят козни против

28 Claudia Koonz, *The Nazi Conscience*, Belknap Press, Cambridge MA., 2003, p. 221.

29 Michael Mann, «The dark side of democracy», Cambridge University Press, Cambridge, 2004.

30 В качестве примеров см.: Hege Lovdal Gulseth, «The use of propaganda in the Rwandan genocide», неопубликованная диссертация, Университет Осло, 2004; D. Welch, *The Third Reich: Politics and Propaganda*, Routledge, London, 1993.

Германии. Общим элементом этих разных образов является та опасность для ингруппы, которую, как предполагается, представляет собой аутгруппа. Часто подразумевается угроза физического уничтожения, но нередко и уничтожения символического: разрушение идентичности ингруппы и образа жизни, основанного на нормах и ценностях ингруппы. На этом этапе оправдывается насильственное решение «вопроса меньшинства», поскольку насилие может быть представлено как самозащита.

В-третьих, ингруппа обязательно должна быть изображена добродетельной. Это, наверное, самая недооцененная часть процесса. Однако она всесторонне рассматривается в книге Кунц (Koonz) «Нацистская совесть» («The Nazi Conscience»). Там говорится: «Хотя представить себе Адольфа Гитлера в роли пророка добродетели невероятно трудно, секрет его колоссальной популярности кроется именно в этом»³¹. Гитлер характеризовал немецкий народ как высоконравственное сообщество людей, самоотверженно служащих ближнему, скромных и воздержанных в своих вкусах. Он восхвалял их кротость, нравственную чистоту и физическую чистоплотность. Он торжественно обещал защищать немецкую «мораль, обычаи, чувство справедливости, религию и т. д.»³². Кунц подчеркивает, что в течение ряда лет после 1933 г. Гитлер неоднократно восхвалял «столпы (немецкого) национального характера», но почти не упоминал евреев. Некоторые комментаторы думали, что это отражает определенное смягчение его взглядов, но их вывод был абсолютно неправильным.

Главным, хотя и неявным стержнем всей риторики Гитлера было восхваление Германии как этнического сообщества. В таком контексте добродетельное наполнение групповой идентичности – солидарность, альтруизм, уважение, любовь, преданность – приводит к просоциальному поведению только внутри этого сообщества. В отношении евреев эти нормы не находили прямого воплощения в поведении, а действовали через их влияние на значимость аутгруппы для ингруппы. Чем больше прославлялась Германия и чем больше преданности выказывал народ, тем больше ярости можно было направить на тех, кто ей угрожал. Чем более прекрасным представлялся немецкий народ, тем более жестокими представлялись действия врагов и тем добродетельнее виделось уничтожение врага. Поэтому у Гитлера не было необходимости прямо называть еврейский народ в своих риторических выступ-

31 Koonz, *op. cit.* (примечание 28), p. 17.

32 *Ibid.*, p.21.

лениях. Вместо этого создавались условия, при которых предложение истребить еврейство выглядело чем-то вполне заурядным.

Действительно, Гитлер и его пропагандисты «поставили пьесу национальной нравственности»³³, в которой бедному честному немецкому народу противостоял демонический чужак, и героем оказывался тот, кто срывает этого чужака. Именно поэтому Гиммлер мог называть сотрудников гестапо «людьми с человеческой добротой, с человеческими сердцами и абсолютно справедливыми»³⁴. Они, рука об руку с членами СС, взяли на себя неприятные, но неизбежные задачи, которые все считали необходимым осуществить, но не у всех на это хватало мужества. Этот пример сочетает в себе различные элементы, которые мы описали выше. Если считается, что эксклюзивной ингруппе угрожает вытесняемая аутгруппа, то чем больше подчеркивается добродетельный характер ингруппы, тем в большей мере снимаются ограничения с действий, направленных против аутгруппы. Это очень важное теоретическое и практическое положение. В целом, исследования в области дискриминации, как психологические, так и иные, уделяют основное внимание тому, как изображаются аутгруппы. Однако нередко «риторика ненависти» явно фокусируется на том, кто есть «мы», и остается невысказанным явно (но очевидным), кто же из нашей группы исключается. Точно также, когда стало очевидным, кто такие «они» и что «они» угрожают «нам», то достаточно сфокусировать внимание на уязвимости и добродетельности ингруппы, чтобы оправдать межгрупповое насилие. В отличие от ранних наблюдателей Третьего рейха мы не должны допустить, чтобы нам внушили ложное мнение, будто те, кто не представляет в черном цвете членов аутгруппы, обязательно ненавидят их меньше.

Чтобы подчеркнуть это положение, завершим раздел еще одним примером, взятым из совсем другого культурного контекста. 27 февраля 2002 г. в Индии поезд, ехали индусские активисты, следуя через город Годхру, загорелся и 59 пассажиров погибли. Индуистские националистические организации, такие как «Вишва хинду паришад» (ВХП), заявили, что поезд подожгли мусульмане. Это привело к мусульманским погромам в штате Гуджарат, где было убито около тысячи человек. Правин Тогадия, один из лидеров ВХП, был в числе тех, кто, по информации мусульманской «Милли газетт», оправдывал это насилие. Однако, взяв интервью у Тогадии, эта газета увидела «луч света во мраке ненависти» – ведь Тогадия считает, что у индийских мусульман и индусов

33 *Ibid.*, p. 23.

34 *Ibid.*, p. 228.

общие предки. В самом деле, репортаж об этом интервью озаглавлен «Мы (индусы и мусульмане) не отличаемся друг от друга в этническом и культурном отношении»³⁵. Однако здесь сходство и общее прошлое ошибочно принимаются за общую идентичность в настоящем. Хотя все эти элементы часто между собой связаны и представления о предках часто служат для создания идентичности в настоящем, – эта связь вовсе не является обязательной. На самом деле Тогадия использует историческое сходство для того, чтобы выставить мусульман в роли опасных «других».

Тогадия основывает свои взгляды на том, что Индия, по сути своей, страна индуистов, где изначально все ее население исповедовало индуизм. Он также заявляет, что индуизм является в силу своей сущности толерантной и гуманной системой верований. По его мнению, мусульмане – это те, кто сознательно отверг это кредо. Они – это единственное, что может быть хуже врага: они – отступники³⁶. По самой своей природе они угрожают группе, разлагая ее изнутри. Кроме того, будучи противниками группы, добродетельной по своей сути, они по своей сути безнравственны.

Таким образом, характерная для ингруппы ценность терпимости служит для оправдания политики крайней нетерпимости. Уничтожение мусульман – необходимая мера для защиты от зла. Вот так Тогадия пишет свою собственную «пьесу нравственности», используя местные культурные ресурсы, особенно повествования о боге Рама. Например, он заявляет: «Когда поборники светскости избирательно осуждают насилие в Гуджарате, создается впечатление, что они вообразили себе «Ланкадахан» (сожжение Ланки) без «Ситахарана» (похищения Ситы)». Это аллюзия на историю доброй богини Ситы, похищенной злым демоном Раваной. Рама, муж Ситы, убил Равану, и это явилось событием, виновником которого был сам Равана, а также актом очищения. Подобным же образом (как намекает Тогадия) массовое убийство мусульман было вызвано и оправдывается их собственной разрушительной сущностью, обнаружившейся в Годхре.

Короче говоря, мы не должны абстрактно воспринимать описания различий и сходства, то же самое следует сказать и о характеристиках, приписываемых ингруппе и аутгруппе. Повторим еще раз: важно,

35 *Milli Gazette* (2006): «We (Hindus and Muslims) are ethnically and culturally the same», доступно по адресу: <http://www.milligazette.com/Archives/15102002/1510200233.htm> (последнее посещение сайта 19 января 2006 г.).

36 José M. Marques & Dario Paez, «The 'black sheep effect': social categorisation, rejection of ingroup deviates and perception of group variability», *European Review of Social Psychology*, Vol. 6, 1994, pp.37–68.

как воспринимаются понятия «мы» и «они», и что «они» значат для «нас». Поэтому общее прошлое может быть использовано как повод для антагонизма, когда оно изображается в виде этапа, предшествующего противостоянию, а «терпимость» ингруппы может стимулировать нетерпимость, когда утверждается, что она подвергается опасности, исходящей от аутгруппы. Как заключает Кунц, «потенциал для расовой ненависти кроется везде, где политические лидеры взывают к восхваляемой ими добродетели их собственного этноса»³⁷.

Мобилизация солидарности

Вполне законно изучать ненависть как таковую. Но также, если мы понимаем, какие условия приводят к появлению антагонизма, мы тем самым понимаем, что надо делать, чтобы его избежать или даже способствовать положительным действиям в отношении других людей. Если для организаторов ненависти отправной точкой является выработка эксклюзивного определения «нравственного» сообщества, значит, организаторам солидарности следует определять свои сообщества более инклюзивно.

Посмотрим, что показало одно исследование³⁸. Болельщиков футбольного клуба «Манчестер юнайтед» привлекли к участию в эксперименте. По первому сценарию, их принимают в одном здании, где обсуждают с ними стремление поддержать любимую команду, а затем просят пройти в другое здание для тестирования. По дороге они видят, как кто-то (на самом деле это актер) падает и ушибается. На этом человеке футболка либо с эмблемой «Манчестер юнайтед», либо с эмблемой соперничающей команды («Ливерпуль»), либо нейтральная. В первом случае помогают почти все. В двух других случаях участники эксперимента почти всегда проходят мимо. Второй сценарий отличается от первого единственным элементом: теперь болельщикам «Манчестер юнайтед» говорят, что они участвуют в исследовании, посвященном обращению с футбольными болельщиками в целом. На этот раз они помогают актеру и в футболке «Манчестер юнайтед», и в футболке «Ливерпуля». Но когда он одет в футболку без всякой эмблемы, они все равно проходят мимо.

Это исследование позволяет сделать два вывода. Во-первых, мы охотнее помогаем людям, когда они являются членами ингруппы. Во-

37 Koonz, *op. cit.* (примечание 28), p. 274.

38 Levine, Prosser, Evans & Reicher, «Identity and emergency intervention: How social group membership and inclusiveness of group boundaries shapes helping behaviour», *op. cit.* (примечание 13), pp. 443–453.

вторых, и это, возможно, еще важнее, принадлежность к внутренней группе может определяться различно, и чем более инклюзивны категории, тем более широкому кругу людей мы помогаем. Конечно, при всей своей ясности это исследование касается довольно незначительного инцидента. Поэтому рассмотрим еще одно исследование³⁹. Его участники – британские граждане. Экспериментаторы подчеркивают их идентичность – в одном случае британскую, в другом – европейскую. Затем им сообщают информацию о стихийном бедствии, таком как ураган или наводнение, и говорят, что это произошло либо где-то в Европе, либо в Южной Америке. Какую помощь окажут участники пострадавшим в этих разных ситуациях? Результаты показывают, что когда основной упор делается на британскую идентичность, различия в объеме помощи – в зависимости от того, произошло ли бедствие в Европе или в Южной Америке, – нет. Однако когда подчеркивается европейская идентичность, пострадавшим в Европе предоставляется больше помощи, чем пострадавшим в Южной Америке. Более того, если европейская идентичность не просто подчеркивается, а противопоставляется британской, европейским жертвам оказывается еще больше помощи. Таким образом, на примере, имеющем более значительную общественную значимость, мы снова видим, что людям помогают больше, когда видят в них членов ингруппы, поэтому модели оказания помощи зависят от границ той идентичности, которая представляется наиболее важной в данный момент.

В заключение перейдем от манипулирования социальными идентичностями в ходе экспериментов к тому, как эти идентичности в действительности используют те, кто стремится укреплять солидарность общества. Мы уделили много времени рассмотрению темной стороны добродетели, поэтому будет уместным обратить внимание на светлую сторону даже самых страшных времен. Среди ужасов Холокоста встречаются замечательные примеры спасения жертв, как индивидуальные, так и (что имеет еще большую общественную значимость и более важно для нас) коллективные⁴⁰. Возможно, самый выдающийся пример коллективного спасения жертв нацизма являет собой Болгария. Хотя с аннексированных территорий евреев отправляли в лагеря

39 Mark Levine & Karen Thompson, «Identity, place, and bystander intervention: Social categories and helping after natural disasters,» *Journal of Social Psychology*, Vol. 144, 2004, pp. 229–245.

40 Kristen R. Monroe, «Altruism and the theory of rational action: Rescuers of Jews in Nazi Europe,» *Ethics*, Vol. 101, 1990, pp. 117–118; Kristen R. Monroe, «The psychology of genocide: A review of the literature,» *Ethics and International Affairs*, Vol. 9, 1995, pp. 215–239; Samuel P. Oliner & Pearl M. Oliner, *The Altruistic Personality: Rescuers of Jews in Nazi Europe*, Free Press, New York, 1992.

смерти, из «старой Болгарии» не был депортирован ни один еврей и в конце войны в стране жило больше евреев, чем в начале⁴¹. Когда в 1940 и в 1943 г. принимались меры против еврейского населения, они вызвали настолько широкие контрмобилизации, что геноцид, в конечном счете, был предотвращен.

Тодоров⁴² рассказывает об этих мобилизациях и воспроизводит документы, которые использовались для того, чтобы призвать людей к участию в них. Мы проанализировали приводимые в них доводы⁴³. Они делятся на три категории. Первая – «включение в ингруппу». Евреи редко обозначаются как таковые, их обычно называют частью нации, национальным меньшинством. Подчеркивается, что по своей культуре, привычкам, даже по песням и играм их детей, они – болгары. Как говорится в открытом письме Болгарского Союза писателей премьер-министру и председателю Национального собрания, цель репрессивных законов состоит в том, «чтобы лишить одно из национальных меньшинств Болгарии его гражданских прав... Наше законодательное собрание не должно утверждать законов, которые поработят часть граждан Болгарии и оставят черную страницу в нашей новейшей истории».

Второй комплекс доводов касается «категорийных норм» и, более конкретно, представления о том, что у болгар существуют «традиции веротерпимости и человечности» (опять-таки цитата из письма Союза писателей), и потому болгары, по самой своей сути, склонны противиться угнетению и защищать слабых. Поразительно, как это заявление напоминает высказывания Тогадии об индусах. Однако в этом случае евреев включают в число членов ингруппы, а не исключают из нее и не определяют как категорию ей угрожающую. Следовательно, представление о группе как о добродетельной служит защитой, а не оправданием насилия. Так, Димо Казасов в другом открытом письме на имя премьер-министра утверждает: если народ не поможет евреям, то он «утратит свою нравственную и духовную неповторимость, свою славянскую суть, свое болгарское лицо».

Третий комплекс доводов сосредоточен непосредственно на «интересах категории». В частности указывается, что, если страна санк-

41 Abram Ben-Yakov, «Bulgaria», in I. Gutman (ed.), *Encyclopedia of the Holocaust*, (2 Vols.), MacMillan, New York, 1990; A. Cohen & A. Assa, *Saving the Jews in Bulgaria: 1941–1944*, State Publishing House «Septemvri», Sofia, 1997; R. Genov & I. Baeva, «Incomprehension of the nature of the race question: Saving the Bulgarian Jews from the Holocaust», in G. Halfdanarson (ed.), *Racial Discrimination and Ethnicity in European History*; Edizioni Plus, Pisa University Press, Pisa, 2003.

42 Tzvetan Todorov, *The Fragility of Goodness*, Weidenfeld & Nicolson, London, 2001.

43 Reicher, Cassidy, Hopkins & Levine, «Saving Bulgaria's Jews: An analysis of social identity and mobilisation of social solidarity», *op. cit.* (примечание 13), pp. 49–72.

ционирует депортацию еврейского населения, это повредит ее репутации в глазах других стран и может привести к потере определенных преимуществ. Прочитируем в последний раз письмо Союза писателей: Болгария может «потерять свое место среди свободных и цивилизованных народов мира». Таким образом, угроза группе исходит не от евреев, а от преследований евреев. Соответственно, интересы ингруппы требуют защищать, а не преследовать евреев.

В целом, мы видим, что противостояние геноциду в Болгарии складывается из точно тех же элементов, что поддержка геноцида в Германии: определение включения в категорию и исключения из нее, определение угрозы для ингруппы и методов ее защиты и определение ценностей и достоинств ингруппы. Однако решающее значение имеет то, как эти элементы обозначаются и располагаются. В контексте исключения подгруппы и представлений об угрозе со стороны аутгруппы и о достоинствах ингруппы населению можно внушить ненависть и склонить его к примиренческому и даже одобрительному отношению к политике, основанной на ненависти. А в контексте включения подгруппы представления об угрозе и добродетели могут иметь абсолютно противоположный эффект и стать мощным орудием в руках тех, кто выступает за солидарность и спасение жертв.

Заключение: овладение инструментами власти

В этой статье мы попытались показать важность категорийных интерпретаций как основы эффективной массовой коммуникации и массовой мобилизации. Однако мы не стремимся представить дело так, что коммуникация и мобилизация целиком сводятся к этому. Очевидно, что здесь действует множество факторов – от структуры государства до истории и мотивации отдельных людей. Тем не менее мы считаем, что психологическая основа влияния держится на том, каким образом тексты апеллируют к социальным идентичностям. Таким образом, с одной стороны, мы утверждаем, что существуют некоторые общие психологические процессы, действующие независимо от того, к чему призывают людей и какая цель преследуется – благая или злая. Критически важное значение, по нашему мнению, имеет то, каким образом смысл событий соотносится со смыслом категорий, и интерпретация того, как «они» влияют на «нас».

С другой стороны, мы утверждаем, что реальные результаты этих процессов – независимо от того, ведут ли они к терпимости или нетерпимости, – вовсе не всегда бывают одинаковыми. Здесь важен точный смысл, приписываемый границам категорий, содержанию категорий,

их прототипам и отношениям между категориями в каждой конкретной ситуации. Ясно, что способность создавать убедительные определения зависит от контекста, от способности использовать мнения, широко распространенные в данной культуре, а следовательно, и от глубокого знания местных условий, и от искусства риторики. Заявляя о том, что они являются последователями Ле Бона, Муссолини и Гитлер оказались особенно умелыми в этом отношении⁴⁴. Муссолини для создания фашистской Италии эксплуатировал коллективную гордость славным римским прошлым (*romanità*), а Гитлер для популяризации нацистской идеологии использовал вариант немецкого романтизма – особенно концепции сильного руководства (*Führerprinzip*) этническим сообществом (*Volksgemeinschaft*). И тот, и другой развивали свои идеи не на пустом месте, но эти идеи не были эпифеноменальным отражением чего-либо уже существующего. Оба искусно создали манихейское мировоззрение из того материала, которым располагали. Оба были блестящими организаторами идентичности.

Разница между организаторами ненависти и организаторами солидарности не только в том, какие интерпретации они используют, но и в том, как они санкционируют эти интерпретации⁴⁵. Можно провести различие между демократическим подходом, когда ясны обоснования планов, установить связь с идентичностями и тем самым открывается пространство для дебатов и альтернатив, и автократическим, когда такая связь принимается как данность и, следовательно, исключается возможность дебатов. Крайним выражением этого являются те случаи, когда лидер выступает не просто как один из представителей категории, а как ее живое воплощение – воплощение коллективной сущности. Заключительная речь Рудольфа Гесса на Нюрнбергском съезде 1934 г., когда он заявил: «Гитлер – это Германия, Германия – это Гитлер», – лишь один из примеров этого. В таком случае все, что говорит оратор, по определению является выражением групповой идентичности, и любой, кто с ним спорит, по определению становится врагом категории. Так дискуссия превращается в предательство, и гарантируется безраздельная единоличная власть.

Возможно, есть и еще одно различие между сторонниками нетерпимости и защитниками терпимости – хотя и несколько иного рода. Бросив взгляд на события нашей эпохи, мы увидим, что многие диктаторские режимы и режимы, развязывавшие геноцид, по-видимому,

44 Stephen Reicher, «The crowd century: Reconciling theoretical failure with practical success», *British Journal of Social Psychology*, Vol. 35, 1996, pp. 535–553.

45 См: Reicher & Hopkins, «On the science of the art of leadership», *op. cit.* (примечание 23).

отличает очень глубокое понимание того, как можно использовать идентичность для поддержки их чудовищных проектов. Они знают, как организовать свою аудиторию, как привести ее в ярость и как направить эту ярость против намеченных целей. Они также знают, как подавить коллективное сопротивление своих жертв, опозорив их так, что те не могут объединиться и дать отпор. Короче говоря, организаторы ненависти в полной мере овладели психологическими инструментами власти и знают, как их использовать. Но можно ли сказать то же самое о тех, кто хочет защитить и поддержать слабых и уязвимых? Полностью ли мы используем возможности инструментов, способствующих укреплению социальной солидарности? Эффективно ли мы действуем в качестве организаторов солидарности? Ведь если мы не решаем вопрос категорийных интерпретаций и их использования в благих целях, мы позволяем злу восторжествовать.